

Андрей Шитиков

Сверхсвязанные

18+

Андрей Шитиков

Сверхсвязанные

<https://litres.ru/73801061>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга из серии "Пять сторон света".

Эту книгу можно читать как роман, но лучше — как инструкцию. Перед вами пошаговое пособие: где найти «комплектующие» для сверхразума, почему люди с особенностями — идеальные узлы сети, как отключить речевой центр, чтобы сознания слились, и зачем для финальной синхронизации нужна невесомость.

Вы узнаете.

Какие 22 типа личности нужны для стабильной сети.

Почему ИИ проигрывает спящему человеческому рою.

Как перестать быть человеком и не разрушить колыбель Земли.

Автор не несет ответственности, если после прочтения вам захочется послушать джаз или улететь в космос. Это не сай-фай, это план эвакуации разума из биологического тупика.

Содержание

Глава	4
Пролог. Арендатор	5
Глава 1. Шведский стол	8
Глава 2. Отшлифованная буквальность	14
Глава 3. Шляпа и платок	20
Глава 4. Речь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Андрей Шитиков

Сверхсвязанные

Глава

Пролог. Арендатор

Людам больше не стучат среди ночи в двери, всё приходит сразу в мозг. И Максиму пришло оповещение, что его сердце больше не соответствует высоким стандартам жизни и будет удалено из его организма. И одна большая кнопка — Принять.

Он подумал, что это сбой, но куда обратиться — непонятно. Он решил, что нужно поискать в интернете, что пишут про такой сбой, но когда он открыл ПК, у него попросили новый ключ доступа.

— Что? Какой ключ доступа? Что за бред ты пишешь мне, электронная машина? Это же мой ноутбук, я заплатил за него своими деньгами! Как смеешь ты меня не пускать!

Но оказалось, что диск с его данными зашифрован в целях безопасности, и если попробовать удалить операционную систему, то все данные будут утеряны.

Он потянулся к смартфону, но тот написал: «Вы не приняли важное оповещение, поэтому использование вашего лица для разблокировки каких-либо устройств запрещено».

Он попросил поискать родственников, и ИИпоисковик ответил, что удаление сердца может быть опасно и может даже привести к смерти, но он только лишь ИИ и может ошибаться, так что нужно проконсультироваться с медицинским учреждением.

Он понял, что записаться на приём к врачу тоже не получится — нужно обратиться в платную поликлинику, но его цифровые деньги, которые были у него в виртуальном кошельке, тоже были не его. Эти деньги ему выдали временно, а сейчас ему не доверяют их использование.

Вскоре всем его знакомым и родственникам пришли уведомления о том, что Максим больше не может подтвердить свою личность, а общаться с неподтверждённой личностью противозаконно. И одна большая кнопка — Принять.

Ещё чуть позже оказалось, что быть у себя в доме или на своей земле Максим тоже не может, потому что это всё принадлежит Максиму, но теперь он уже не Максим, а человек с неопределённой личностью, проникший в чужой дом. Его задержали, и оказалось, что у неподтверждённой личности нет права на жизнь. Максим нажал «Принять». У него вырезали сердце. Правда, заменили на другое — искусственное. Это сердце прекрасно работало, но только абонентскую плату нужно было вносить раз в месяц, и платежи задерживать было нельзя.

— Это очень страшная сказка, пап.

— Хотел бы я, чтобы это было сказкой, дети. Это история твоего прадеда. Он умер от невнесения платежа за сердце.

— Не захотел проживать жизнь, которая ему не принадлежит.

Государства не смогли сдержать натиск корпораций на людей, поэтому теперь они уже не имеют значения.

Сейчас есть пять сил, которые подминают под себя всё остальное. Они защищают тех, кто работает на них, но берут свою плату за это. Появились они по разным причинам, у каждой своя история, но их семена проросли, потому что ни у кого больше не было ответов что делать дальше. Все думали, что должна появиться новая модель государства, но появились новые корпорации, которые не играют по правилам государств, которые съели государства.

У вас есть возможность выбрать свою. Время пришло. Я расскажу про каждую. Первая — «Сверхсвязанные». История их появления.

Глава 1. Шведский стол

На столе Никиты Семёновича Нестерова стояла старая фотография: он и маленькая девочка с огромными глазами, держащая в руках плюшевого кита. Ей тогда было семь. Ему тогда ещё казалось, что всё идёт нормально, просто сложно.

Милка, так звал её только профессор, уже перестала обращать на это фото внимание, потому что шёл третий год их совместной работы.

Мила была настоящей гончей. Она казалась созданной, чтобы быстро двигаться среди идей и теорий, загонять проблему в тупик, а потом рвать на части.

Сегодня утро выглядело таким же, как сотни предыдущих. Белый, как лицо грустного клоуна, коридор института, запах озона от фильтров вентиляции, мягкое жужжание серверной за стенкой. Внутри — ломота. Не физическая, а та самая, хроническая, которая появляется, когда человек носит в себе слишком много нереализованных надежд.

Он прошёл к стеклянной двери лаборатории, прикоснулся пальцем к сенсору и вошёл. Комната приветствовала его тихим щелчком реле, как будто камергер ударил жезлом об пол и хотел представить входящего. Огромные мониторы, подвешенные на поворотных кронштейнах, мерцали синими статусными диаграммами нейронных связей. На белом стенде красными маркерами были записаны формулы, которые по-

нимал только он — и, пожалуй, ещё трое людей на всём континенте.

За столом сидела Милка.

— Доброе утро, — сказала она, не поднимая глаз от планшета. — Я думала, вы снова придёте к обеду.

— А я думал, что уже обед. Мы оба ошиблись, — ответил Нестеров.

Она усмехнулась.

— Я подготовила данные по вчерашнему тесту.

— Провал снова?

Милка колебнулась, затем перевернула планшет к нему экраном.

— Хаос. Как будто их мозги общались разными языками.

Никита сел за стол, провёл рукой по клавиатуре. На экране вспыхнул поток данных: миллионы точек, связанных линиями. Это была попытка соединить двух обычных людей — добровольцев — в единый мысленный интерфейс.

— Они опять начали смешивать интерпретации сигналов? — спросил он.

— Да. Полнейшая перекрёстная дурь. Даже если давить гидравлическим прессом, из этого опыта не выжать и капли пользы.

Нестеров наклонился ближе. По экрану текли фрактальные диаграммы. Они были прекрасны и бесполезны.

— Не работает, — сказал он.

— Не работает, — повторила Милка. — Но, профессор я

всё же думаю

Она замолчала, словно выбирала слова.

— Говори.

— Может, обычные люди и не смогут никогда взаимодействовать так, как вы задумали. Они слишком артефактны. Их восприятие неровно, эмоционально, случайно. Им нужен контекст, подтекст, отсылка. У каждого свои ассоциации.

Нестеров медленно выдохнул.

— Я знаю.

Он знал это давно. Но допускать мысль вслух — значило признать, что десятилетия его работы не приведут туда, где он мечтал оказаться.

В лаборатории повисла тишина — та, которую он любил, но сегодня она была тяжелее обычного. Он поднялся, пошёл к стеклянной стене, отделяющей зону эксперимента от основной комнаты. Там, за двойными зеркальными стеклопанелями, находился самый важный объект его жизни: нейрококон, индивидуальная капсула, способная считывать миллиарды нейросигналов и преобразовывать их в цифровую структуру.

Ещё десять лет назад это считалось невозможным. А сейчас — рутина. Он чувствовал странное дрожание в пальцах.

— Вы ведь знаете, что я права, — мягко сказала Милка, подходя ближе.

— Да, — прошептал он. — Но я всё равно буду пытаться. Потому что если я не найду способ достучаться до её ми-

ра, я потеряю её навсегда. Он не сказал этого вслух. Но Милка и так знала.

— Но может, нам пора перестать стучаться в закрытую дверь и понять, что это просто стена.

— Выкладывай, что ты нашла, — с разбуженным любопытством сказал Нестеров.

— Я хотела показать вам кое-что, но если захотите расцеловать — сдержитесь, а если принести мне какой-нибудь бодрящий напиток, то этот порыв будет правильным.

Она вывела на экран новый график — плавную, ровную линию. Не хаос. Ритм.

— Что это? — спросил он.

— Данные одной пары, участвовавшей в исследовании месяц назад. Муж и жена. Оба — Она сделала паузу. — С особенностями спектра.

Нестеров резко повернул голову.

— Покажи.

Она вывела полную диаграмму. Он почувствовал, как у него в груди что-то сдвинулось: линии были упорядочены, синхронны, гармоничны. Никакого хаоса. Никакой перекрёстной интерференции.

— Как будто их мозги — начала Милка.

— Говорят на одном языке, — закончил он, мгновенно разволновавшись.

Он ещё раз посмотрел на диаграмму и начал ходить по комнате, ладони его вспотели.

— Где они? — спросил он.

— Если вы про кофе с пончиками, то они в буфете на первом этаже.

На лице Нестерова застыло выражение, будто любопытство, изнеможение и ярость встали кругом — и каждое откусывало свою долю.

— Дома, — сказала Милка, чтобы закончить этот шведский стол. — Мы можем вызвать их в любой день. Я оставила контакт.

Нестеров медленно кивнул. Он чувствовал, как в нём что-то загорается — давно забытое, почти болезненное.

— Позови их, Милка. Сегодня же.

Милка улыбнулась — впервые за утро.

— Я знала, что вы скажете это.

— Мы всё ещё не знаем точно, что такое аутизм. Болезнь, расстройство или просто особенность? Что если это такой вариант набора когнитивных функций, который в дикой природе не жизнеспособен? — сказал профессор.

— Поэтому они не стали для нас обычными — раньше они не выживали, и мы к ним не привыкли, — подхватила его мысль Милка.

— А сейчас шанс у них появился, но пользоваться они им не научились, учителей-то нет. Вот они и щупают мир как могут.

— Нет ни одного исследования, которое могло бы подтвердить вашу догадку, — приземлённо сказала Милка.

— Значит, как всегда, нужно всё делать самим.

Глава 2. Отшлифованная буквальность

Дождь начинался внезапно — как будто кто-то наверху щёлкнул выключателем. Капли застучали по крыше микроавтобуса, когда машина института сворачивала на узкую улочку спального района. Нестеров сидел на заднем сиденье, опершись локтями на колени. Руки дрожали. Он скрыл это, сплетя пальцы в замок.

Милка сидела впереди, рядом с водителем. Отсюда он видел только её профиль — ровный, сосредоточенный. Она всегда так выглядела, когда понимала: профессор на грани. Не срыва, нет — он не был тем человеком, который кричит или ломает вещи. На грани — значит, что внутри него что-то слишком давно ждало выхода.

И вот он снова едет к людям, которые могут этот выход дать.

— Профессор? — спросила Милка. — Вы готовы?

Нестеров не сразу понял, что она к нему обращается. Он оторвал взгляд от дождевых струй на стекле.

— Готов? — повторил он. — Я не уверен, что понял этот вопрос.

Она чуть улыбнулась. Милка обернулась, глядя прямо на него.

— Эта пара дала вам надежду.

Он на мгновение закрыл глаза. Надежду. Да. И страх тоже.

— Просто — начал он, но не закончил. Потому что автобус уже остановился.

Перед ними стоял пятиэтажный дом советской эпохи. Жёлтый, обшарпанный, с выцветшими балконами. На детской площадке рядом никого не было — только мокрый песок и забытое ведёрко с лопаткой.

— Где они живут? — спросил Нестеров, выходя из машины.

Милка подняла взгляд на окна.

— Третий этаж. Квартира 31. Их зовут Олег и Лена Вистовы. Они вместе больше пятнадцати лет. Она — художник, он — системный инженер.

Нестеров поднялся по лестнице первым. На площадке пахло мокрой курткой и кошачьим кормом. Он остановился. Милка догнала его и позвонила.

Дверь открылась почти сразу. На пороге стоял мужчина средних лет. Сухощавый, нервный, с прямой осанкой. Его глаза — серые, внимательные — как будто просвечивали человека насквозь.

— Вы профессор Нестеров, — сказал он, не спрашивая.

Нестеров кивнул.

— А это ваша помощница, — добавил мужчина, переводя взгляд на Милку. — Милка. Вы вчера говорили с Леной.

— Да, — ответила Милка. — Мы благодарим вас, что со-

гласились нас принять.

— Мы подготовились, — сказал он просто, отступая в сторону.

Они вошли.

Квартира была светлая — необычайно светлая, будто каждая поверхность старалась отражать максимум дня. На стенах висели рисунки: абстрактные фигуры, переплетения линий, странные геометрические портреты. На одних — люди, но лица будто слегка смещены, отчуждены. На других — сложные узоры, похожие на схемы микросхем, но живые, текучие.

— Это всё Ленины работы? — спросил Нестеров.

— Почти всё, — ответил Олег.

В комнате появилась женщина — небольшого роста, с тонкими запястьями, держащими чашку чая. Её волосы были собраны в высокий узел.

— Профессор, — сказала она тихо. — Я ждала вас.

Нестеров слегка поклонился.

— Благодарю, что согласились на разговор.

Она улыбнулась — едва заметно.

— Мы чувствуем, что это важно.

Они сели в гостиной. Милка открыла сумку и достала планшет с файлами.

— Мы хотели бы объяснить суть эксперимента, — начала она. — Вы уже участвовали в базовом тесте месяц назад. Тогда мы получили необычные результаты. Их анализ показал,

что ваша мысленная синхронизация очень чистая.

Олег слегка наклонил голову.

— Вы имеете в виду предсказуемая?

— Скорее взаимно прозрачная, — сказала Милка.

— Это потому, что мы видим одинаково, — тихо сказала Лена. — Если Олег говорит слово «круг», я вижу его круг. Такой же формы, такой же толщины, такой же плотности. Наши понятия совпадают строго.

— Мы согласны участвовать, — вдруг сказала Лена. — Но есть условия.

Милка напряглась.

— Какие?

Лена поставила чашку. Олег посмотрел на неё с тем самым молчаливым согласием, которое бывает только у очень связанных людей.

— Мы хотим быть вместе, — сказала Лена. — Всегда. Вы не должны разделять нас ни при каких условиях, и не должно быть шумно.

Нестеров кивнул:

— Это разумно. Мы и не собирались. Наш эксперимент не про разные группы, а про связь. Делить вас мы не станем. Попробуем дать возможность поговорить без слов, прочесть мысли.

Лена вздохнула, успокаиваясь.

— Если когда это станет возможным, мы сможем разговаривать даже с теми, кто не может говорить.

Нестерова прошиб холодный пот.

Олег положил руку на плечо жены — жест, от которого воздух будто стал ровнее.

— Мы понимаем ваше желание, профессор, — сказал он. — И мы поможем, если это будет возможно.

Впервые за долгие годы Нестеров почувствовал, как глаза слегка увлажнились.

Но он не дал этому вырваться наружу.

— Спасибо, — сказал он только.

Следующие два часа они обсуждали детали подключения. Милка показывала графики, схемы, объясняла риски. Олег задавал точные технические вопросы — почти все на уровне инженера-исследователя. Лена молчала, но её глаза постоянно внимали каждому слову.

— Когда начнём? — спросила она, когда разговор подошёл к концу.

— Завтра утром, — сказал Нестеров. — Я пришлю за вами машину.

Олег посмотрел на жену. Она кивнула.

Когда они вышли из квартиры, Милка шепнула:

— Честно? Я немного в шоке.

— Это необыкновенная пара, — сказал Нестеров.

— Не только. Они будто — она искала слово. — Гармоничны. Пугающе гармоничны. Как будто две половины одной формулы.

— Вот поэтому, — тихо сказал профессор, — у нас есть

шанс. Пары годами шлифуют взаимопонимание, но у них есть ещё и более буквальное видение мира, а значит, они шлифовали свою буквальность.

— Если поймём, как соединить таких подготовленных людей, сможем понять, как соединять обычных, — итогово сказала Милка.

Глава 3. Шляпа и платок

Дождь барабанил по стеклу лаборатории, отражаясь на белых стенах и металлических панелях. Нестеров стоял за аппаратурой, обхватив руками край стола, словно сам пытался удержать равновесие между страхом и надеждой. Милка находилась рядом, держа планшет с последними результатами.

— А где ваш платок и шляпа? — тихо спросила она.

— Платок, чтобы смахнуть слёзы, если ничего не получится, а шляпа? Чтобы надеть её и пойти под дождь?

— Нет, утереть пот со лба и снять шляпу передо мной, если всё будет хорошо, — улыбнулась Милка.

— Если получится, то шляпу я носить начну.

Олег и Лена уже были подключены к интерфейсу. Кабели легли на запястья и затылок с осторожностью хирурга. Профессор нажал первый импульс. Экран ожил — линии нейросигналов извивались, искали друг друга, сталкивались, перекручивались. Ритм мозга Вистовых пытался синхронизироваться, но сопротивление было очевидным.

— Они чувствуют друг друга, — тихо сказала Милка. — Но не полностью.

Первые импульсы вызвали у Лены головную боль. Она прижала руки к вискам. Олег сжался, губы слились в тонкую линию — приступ тошноты пробежал по его телу, будто мозг не выдерживал новых потоков сигналов.

— Физическая реакция сильнее, чем ожидалось, — заметил Нестеров, его голос дрожал, но он старался держать равновесие. — У них очень острое восприятие

На экране линии колебались, разрываясь, как натянутые струны, пытаясь найти общий ритм.

— Им сильно больно? — спросила Милка.

— Да, — сказал Нестеров, глядя на мучающиеся фигуры на графиках. — Но они продолжают.

Лена тихо всхлипнула, но её взгляд не терял решимости. Олег сжал зубы, и глаза его светились странным напряжением — не страхом, а осознанием.

— Они просят продолжать, — прошептал профессор. — Даже через боль.

— Для них боль должна быть ярче, чем для обычных, — почти шепнула Милка.

Нестеров впился глазами в монитор, стараясь не упустить ни одного опасного показания. Импульсы увеличивались, сигналы снова сталкивались, линии на экране вспыхнули ярче. Лена сжалась, ощущая боль, которая пронзала голову, будто тысячи игл одновременно. Олег застонал, будто его рвало изнутри, тело реагировало на мысль, не выдерживая нового потока ощущений.

— Мы должны остановиться? — спросила Милка.

— Нет, — сказал Нестеров твёрдо. — Только если будет реальная угроза здоровью.

— Они видят друг друга, — шептала Милка.

— Да, — сказал Нестеров.

Каждая секунда, полная значимости, раздувалась, пытается стать часом. Линии на экране начали совпадать. Мелкие искажения исчезли. Два сознания начали находить друг друга среди хаоса сигналов.

— Они сделали это, — сказал Нестеров. — Даже через боль они смогли.

Лена с трудом вдохнула, глаза её сияли, как будто только что увидела то, что невозможно описать словами. Олег слегка улыбнулся, плечи его опустились, будто с него спало непосильное бремя.

— Это совершенно, — тихо произнесла Лена. — Мы видели друг друга.

Милка наблюдала за экраном, за ними, и понимала: сейчас рождается что-то большее, чем эксперимент. Что-то, что может изменить мир. И профессор понимал, что впереди их ждёт ещё больше боли, ещё больше страха но и ещё больше красоты, которой не видел никто другой. Когда напряжение первого подключения спало, Олег и Лена лежали на кушетках, бледные, измученные, покрытые холодным потом. Милка принесла им воду. Нестеров стоял рядом, не решаясь задавать вопросы — слишком хрупким казался момент, словно одно неверное слово могло разрушить весь их путь через боль. Но Лена заговорила первой.

Её голос был тихим, но ровным — почти спокойным.

— Вы не понимаете, — она посмотрела на профессора,

затем на Милку. — Для нас так бывает. Иногда.

Олег кивнул, не поднимая головы.

— Боль — это не новое, — тихо проговорил он. — Это привычная среда.

Профессор опустил на стул напротив них.

— Вы хотите сказать, что испытали подобное раньше?

Лена медленно выдохнула.

— Да. Мы всю жизнь это испытывали.

Она закрыла глаза, будто возвращаясь в прошлое.

— Когда мне было девять, я впервые исчезла. Так я это называю.

Мир стал слишком громким, слишком ярким, слишком быстрым.

Я стояла в школе у окна и смотрела на улицу и вдруг поняла, что не могу дышать.

Не могу повернуть голову.

Не могу пошевелить пальцем.

Внутри всё сжалось.

Будто что-то чужое захватило тело, а я смотрю на себя со стороны и не могу вернуться обратно.

Лена вздрогнула едва заметно.

— Люди говорят «паническая атака». Но это другое. Это умирание.

Ты настоящая — где-то внутри, в маленькой светлой точке, и надеешься, что вернёшься обратно.

Не всегда возвращаешься быстро.

Она открыла глаза — и в них была такая открытая честность, что профессор на секунду потерял способность говорить.

— Поэтому я знала, что эта боль не новая. Она знакомая. И я знала: если пройти сквозь неё, там может быть что-то лучше, чем одиночество.

Олег повернул голову к профессору. Его взгляд был жёстче, прямее — словно он не умел смягчать слова.

— У меня впервые случилось в тринадцать.

Я сидел у себя в комнате, читал статью. И вдруг — всё исчезло. Тело перестало слушаться полностью. Я упал со стула, но не смог выставить руки — просто рухнул, как мешок. Лёжа на полу, я слышал, как тикает будильник, как соседский ребёнок кричит во дворе и ничего не мог сделать. Я думал: «Вот оно. Умирание». Так я это и называю с тех пор. Он сделал паузу.

— Потом это повторялось. Иногда раз в месяц, иногда раз в год. Иногда — на людях.

Они называли это «shutdown». Но это не отключение. Это смерть, которая не завершается. Он сел ровнее, опершись на локоть.

— Когда вы включили систему, мой мозг испугался. Тело вспомнило этот опыт.

Но там там было что-то ещё. Там была Лена. Он посмотрел на неё — и в этом взгляде была взаимность, не требующая метафор.

— Я решил говорить не словами, а картинками. Я представил круг...

— Я увидела круг и представила чёрный квадрат, — добавила Лена.

— Концентрация на одном понятном двоим образе — это хороший приём, — зафиксировала Милка, как будто начала составлять алгоритм работы с устройством.

— Мы хотим создать мысленный диалог между двумя сознаниями, но слова в этой схеме лишние посредники, — зафиксировал вслух свой итог Нестеров.

Глава 4. Речь

— Речевой центр, — сказал профессор, входя в лабораторию.

— Здравствуйте, Никита Семёнович. А я пропустила публикацию, где элементарную вежливость признали лженаукой, — ответила Милка, улыбаясь.

Она знала, что Нестеров не спал, искал информацию, читал взахлёб и уже укрепился в какой-то гипотезе, о которой сейчас поведает миру в её лице.

— Речь для человека стала мощным эволюционным рывком, она позволила передавать информацию точнее, детальнее. Она позволила планировать совместные действия лучше, но это надстройка. У других млекопитающих её нет, а мозги похожи.

— А-а-а, дельфины и киты, — протянула Милка знакомым мотивчиком Красной Шапочки.

— Аналоги есть, но я не об этом. Более ранние пласты человека не нуждаются в речи и даже могут не верить ей.

— Как я, когда вы говорите, что начнёте ходить в спортзал?

— Да, если тело считывает обман, оно не воспринимает речь, — продолжал Нестеров, стараясь максимально чётко распорядиться словами.

— Аутисты не любят говорить, возможно, из-за ослаблен-

ного речевого центра им легче было соединиться, ну и общение образами как нельзя кстати, — дедуктивно продолжила Милка.

— Нужны образы, нужны запахи, телесность, может быть, даже совместная боль на руку, а речевой центр изолировать, отключить.

— Передача информации звуком мешает передаче информации через нейроинтерфейс. Никаких аналоговых сигналов, никаких модемов, пришло время оптоволокну, — нарочито торжественно сказала Милка.

— Проинструктируй Вистовых, начинаем.

Пара была подключена, и в этот раз всё шло уверенно. Не было команды, отсчёта или договорённого жеста. Просто в какой-то момент оба перестали ждать, что что-то произойдёт, и позволили происходящему идти самому. Сначала — пусто. Не тьма и не свет, а отсутствие формы. Обычное внутреннее молчание, к которому человек привыкает и не замечает. Затем в этом молчании появилось напряжение — как если бы воздух стал плотнее. Олег удерживал образ круга. Не как картинку, а как факт: замкнутость, граница, завершённость. Он не «видел» его — он знал, что круг есть. Через долю секунды знание изменилось. Круг перестал быть только его. Внутри возникло иное присутствие — не чужое, но и не продолжение. Как если бы мысль получила вес и сопротивление. Форма дрогнула. Лена добавила чёрный квадрат. Не поверх круга и не вместо него — квадрат возник внутри об-

щего поля, и сразу стало ясно, что это не конфликт образов. Круг не исчез. Он перестал быть единственным.

Олег отметил странное ощущение: мысль больше не требовала удержания. Образ сохранялся сам, как если бы за него отвечал не один мозг, а распределённая система.

— Я не представляю, — сказала Лена вслух. — Я как будто нахожусь внутри этого.

Голос прозвучал поздно, с задержкой, как комментарий к уже завершённомu действию. Квадрат начал менять плотность. Он не вращался и не двигался, но становился то глухим, то полупрозрачным. Это не было решением — изменения происходили без намерения. Олег уловил, что он понимает эти изменения сразу, без перевода. Не как символы, а как состояние: закрытость, допуск, напряжение, готовность. Он добавил линию. Тонкую, почти незаметную, выходящую из квадрата к границе круга. Линия не означала направление — скорее, возможность связи. Лена не усилила её. Она изменила расстояние между формами. Круг стал шире. Олег почувствовал это физически: в груди стало легче, дыхание выровнялось. Не эмоция — телесная коррекция, будто организм получил новую геометрию.

— Это не обмен, — сказал он тихо. — Это совместное удержание.

Милка записывала, не поднимая глаз. Она уже не пыталась фиксировать последовательность. Вместо этого она отмечала состояния: устойчивость, обратимость, отсутствие

приоритета. Впервые за всё время у неё не возникало желания вмешаться. Нестеров наблюдал молча. Ему было важно понять, чего нет в этом процессе. Не было сигнала. Не было приёма. Не было интерпретации. Ни один из участников не «отвечал» другому. Происходило единое осмысление, в котором вклад каждого был неотделим от общего результата. Образы существовали независимо от воли. Они не требовали подтверждения и не исчезали при ослаблении внимания.

Нестеров наконец заговорил:

— Это не диалог.

Он сделал паузу, проверяя формулировку.

— Это общее мышление без внутреннего перевода.

Милка кивнула.

— И без точки «я сказал — ты понял», — добавила она.

— Здесь нет передачи. Есть поле, в котором мысль уже совместная.

Они пробыли в этом состоянии ещё несколько минут. Формы менялись, появлялись новые, исчезали старые. Ни одна из них не была окончательной.

— Нет передачи, — повторил Нестеров, чтобы не упустить эти важные слова.

Когда связь ослабла, никто не заметил момента разрыва. Просто в какой-то момент образы перестали быть общими и снова стали личными. Не резко, без пустоты. Как если бы два человека вышли из одной комнаты в разные коридоры. Лена первой открыла глаза полностью.

— Усталости нет, — сказала она. — Но есть ощущение, что я была не одна, и даже какое-то вдохновение.

Олег кивнул. Он не стал говорить, что впервые за много лет его тело не ждало «умирания». Это было не важно для фиксации. Важно было другое: мысль больше не принадлежала одному мозгу — и при этом не теряла ясности. Нестеров закрыл блокнот.

— Зафиксируем так, — сказал он. — Устойчивый режим совместного осмысления. Без языка. Без передачи. Без очередности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.